

SUNDAY SILENCE

Там была одна дама в музее, только она уже умерла. Сода Спрингс, сонный ковбойский город, забытая богом дыра, столица одного гейзера.

Мебельный магазин, он же погребальная контора, мэрия и управление целебными водами. Тюрьма, суд, сонное солнце, пыль.

А музей в какой-то избе, и, как все самодельные музеи, набит разнообразным хламом, какой люди жалеют выбросить и не знают куда девать: старательское решето, винтовка времен Гражданской, облезлая колыбель, фотографии лихих людей с прямыми спинами, судебная конторка с выдвигаемыми ящичками, кожаный растрескавшийся саквояж местного доктора (мы все его так любили!).

Присматривала за собранием хранительница, – глухая, древняя, с выцветшими глазами и шаткой речью, – она сама была как обломок утраченного времени.

Бабушка шаркала за мной и все бормотала про какие-то платья – ну что мне в старых платьях? – но она не отставала: смотри, смотри.

Платье сидело на манекене, как в ателье, – синее, узкое, летнее, с шелковыми чудными кружевами. Оно струилось. Какая стройная была эта умершая дама.

– Она была наша учительница, – объясняла старушка, и гладила нежно кружева сухой морщинистой лапкой. – Она была учительницей уже 47 лет, когда я пришла в ее класс, я помню ее в этом платье. Мы всегда ее рассматривали. Она была настоящая леди.

Другое платье было старинное, великолепное, с узкой талией и кринолином, из королевского тяжелого атласа, вишневого и золотое. Все в этом платье было сшито вручную, – и швы, и узорные сплетения круглого шнура, и даже подкладка, из плотного старого шелка цвета осеннего чая. Наверное, долго хранило аромат ее духов.

– Я помню ее в этом платье, – повторила моя ветхая спутница.

Нездешняя леди среди авантюристов, преступников и религиозных фанатиков, в стране, которая только начинала строиться, и ничего там еще не было: ни электричества, ни тротуаров, ни светского общества. Простой и грубый мир, пропитанный запахами навоза и конского пота.

Ей некуда было ходить в своих изысканных нарядах, некого было одарить своей элегантностью. И она носила эти платья просто так, для детей, в пыльном и сонном ковбойском городе.

* * *

А еще дом нам встретился, – бывший салун, он же отель, кузница и лавка. Там жил один человек, держал станцию при дороге. По субботам он устраивал танцы на круглом полотняном полотнище, которое стелили поверх грязей. И еще он чеканил свои деньги, этот владелец дорожной станции. Потому что это была его земля.